

ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕР ИЗМЕНЕНИЙ В ЯЗЫКЕ ЖИТЕЛЕЙ С. ШОКША ЗА ПРОШЕДШЕЕ СТОЛЕТИЕ

Е. В. Кашкин, А. И. Кузнецова, М. С. Шматова

(Москва)

1. При изучении близкородственных языков лингвисты часто говорят о существовании континуума диалектов, при котором в пограничных зонах возникают смешанные говоры, имеющие фонетические, грамматические и лексические сходства то с одним, то с другим языком. Именно такое явление наблюдается в мордовских языках, в частности — в языке с. Шокша¹ Теньгушевского района Мордовии. О времени появления села, о языке и статусе населения в нем, об этимологии названия села ведутся споры среди и историков, и лингвистов². Одни исследователи говорят о *диалекте* эрзянского языка, другие квалифицируют его как смешанный эрзянско-мокшанский *говор*. Идет речь и об особой этнической группе мордвы Теньгушевского района — шокше. В этом случае используется термин *идиом* и говорится о *языке* народности «шокша» (ср. язык бесермян, язык тазов, тубаларов язык и др.). В 1930-е гг. Т. П. Миронов, ссылаясь на исследование А. А. Гераклитова 1930 г., писал о связях мордвы Теньгушевского района (шокши) не только с мордвой, но и с немордовским населением сосед-

---

¹ Среди близлежащих сел есть еще две Шокши: заброшенная Малая Шокша и Русская Шокша, переименованная в свое время в Рязановку / Рязанку и относящуюся теперь к Ермишинскому району Рязанской области (в настоящее время здесь живет лишь две семьи).

² По мнению географа Л. Н. Розанова, село насчитывает около полутора тысяч лет. Краевед И. Ениватов определяет его возраст скромнее: XIV—XV или XVI век [*Ениватов И.* Шокша: теньгушевская, вепсская, костромская... // *Примокшанье*, 30.01.2004]. В 1893 и 1910 гг. название села Шокша было записано посетившим его М. Е. Евсевьевым как Пешокс и Пшлокс, что в настоящее время не подтверждается (?) носителями шокшинского диалекта, не слышавшими такого названия. Этимология современного наименования села толкуется обычно как «рукав (реки), приток» (ср. марийское слово *шокш* с этим значением).

ствующих селений [Миронов 1936: 13—14]: «...диалект эрзи Теньгушевского района был изолирован от других эрзянских диалектов и стал развиваться обособленно от них. Зато укрепилась взаимосвязь между эрзянским диалектом Теньгушевского района и соседними мокшанскими и русскими диалектами. Отсюда все последствия». Что же представляют собой эти «последствия» сейчас, спустя 70 лет, а если для сравнения подключить еще и материалы Хейкки Паасонена, которые, видимо, не были известны Т. П. Миронову, то и спустя более 100 лет? ³

2. В конце XIX — начале XX вв. Х. Паасонен обнаружил в языке жителей Шокши смешанные черты эрзянского и мокшанского языков ⁴ при наличии в нем одновременно ряда специфических (шокшинских) особенностей во всех языковых сферах (в области фонетики, грамматики, лексики). Летом 2006 и 2007 гг. в с. Шокша работала экспедиция МГУ им. М. В. Ломоносова (грант РГНФ № 06-04-18036е и 07-04-18025е), которая (наряду с другими задачами) попыталась установить изменения, происшедшие в данном диалекте за последние 100 лет. Судя по всему, зафиксированные изменения происходили неравномерно и в разные исторические периоды развития языка по-разному коснулись разных языковых уровней. В языке старшего и среднего поколений в настоящее время наблюдается достаточно хорошая сохранность лексики. Вместе с тем увеличился разрыв во владении родным диалектом представителями старшего и среднего поколений по сравнению с языком других возрастных когорт (т. е. младших поколений, включая и детей, к счастью, все еще говорящих на родном диалекте). Далее будут перечисляться изменения в области лексики и лишь попутно упоминаться фонетические и грамматические особенности в речи жителей Шокши.

3. В многотысячном 4-томном словаре Х. Паасонена (количество слов нигде не указывается) встретилось 214 слов, зафиксированных автором в Шокше, большая часть которых встречается также в эрзянском и мокшанском языках (63 %). Сугубо эрзянские слова составили 21 %, а мокшанские — всего лишь 1 % (напр., *ищавай* [iščavaj]) ⁵ и мокш. *ица-*

---

³ Первая поездка к мордве Х. Паасонена была предпринята в 1889 г., последняя — с привлечением мордовских стипендиатов — в 1912 г.

⁴ В свое время и М. Е. Евсевьев, собиравший в качестве одного из мордовских стипендиатов материалы для мордовского диалектологического словаря, начатого Х. Паасоненом, писал А. А. Шахматову, что в говоре теньгушевской эрзи (имелось в виду и с. Шокша) присутствуют мокшанские суффиксы.

⁵ Запись слов дается кириллицей и латиницей в зависимости от того, откуда взят пример. Экспедиционные материалы даются в транскрипции, но обыч-

вай «бабка по матери»; *мизяра*⁶ [m'iz'ara] 'сколько?' и мокш. *мзяра* при эрз. *зьяро* и некоторые другие). Русских заимствований отмечено 6 %, причем сохранность старых слов в языке молодых ничтожно мала. (Зато количество русизмов, заменивших собою старые шокшинские слова, встречающиеся у Паасонена, но уже полузабытые современными носителями шокшинского диалекта, выросло до 22 %). Наконец, только 20 слов (9 %) оказались специфически шокшинскими: их Х. Паасонен не обнаружил ни в мокшанском, ни в эрзянском языках, как, напр., *lakakstums* 'качаться на доске'.

4. Среди слов шокшинского диалекта, подвергнутых анализу, можно выделить несколько групп (слова, не испытывавшие никаких изменений, не рассматриваются).

Группа 1. Слова, встречающиеся в словаре Х. Паасонена, употребляются в настоящее время, но в другом значении. Глагол *iški-bod'ams* в значении 'прыгать на одной ноге' одним информантом слышались, но считают значение устаревшим, другие о первом не подозревают. Теперь глагол означает 'хромать'. Слово *s'ormadums* активно используется в значении 'писать' и устарело в значении 'вышивать' (в этом втором случае употребляется русский глагол *вышивать*). Иногда бывает трудно определить, сохранилось ли то или иное слово в том же самом значении или появилось новое. В качестве примера можно привести глаголы *нуфтадимс*, *нефтитимс* 'показаться, мелькнуть', имеющие давнее значение и сейчас, но одновременно второй из них употребляется в значении 'присниться, привидеться (возможно, во сне)', отсутствующем у Паасонена. Глагол *ужелямс* определялся у Паасонена как 'сожалеть', а сейчас означает 'жалеть' (*tit'et'-avat' er'ave užel'ams* 'отца-мать надо жалеть'), 'угостить' (*aras' mes'ne ejhkakšt užel'ams* 'Нечем ребенка угостить') и др. Значение 'сожалеть' перешло к глаголу *m'el'aftums*.

Группа 2. Слова с тем же, что у Паасонена, значением, но уже устаревшие, известны лишь носителям языка старшего возраста. В современном языке не употребляется слово *кумбулдамс*. Однако люди среднего и старшего поколения помнят, что это слово употребляли их бабушки и дедушки, причем, в двух значениях: 1) 'играть в воде, бить по воде руками, ногами'; 2) 'перелпваться всеми цветами радуги во-

---

но без квадратных скобок. Иногда примеры, собранные в полевых условиях, также встречаются в кириллице, если это были записи самих носителей языка.

⁶ Данное слово в работе Т. П. Миронова дано как *мзяра* [Миронов 1936: 20] наряду с *мизяра* [Там же, с. 17].

круг солнца'. С одной стороны, можно было сказать, обращаясь к расшалившимся детям, *Satэ кумбулдамс!* 'Хватит мутить воду!' С другой стороны, было значение, относящееся к оптическому явлению гало: *Чись кумбулдузь-кумбулдэ* 'Солнце играет' (речь идет о мерцающих кругах вокруг солнца). Оба близки к упомянутому у Паасонена значению 'волноваться, пениться, течь, блеснуть'. Шокшинские слова, приведенные в работе Т. П. Миронова 70-летней давности, в большинстве своем также известны только среднему и старшему поколению шокшинцев, хотя среди этих слов встречаются и устаревшие, иногда в изменившемся значении. Так, мало кто знает прилагательное *кальдяв* 'плохой, неважный', существующее в мокшанском языке и означающее 1) 'беда, горе', 2) 'плохой, бедный', 3) 'больной, слабый'. В Шокше данное слово изредка употребляется в значении 'вредный'.

Группа 3. В эту группу входят слова, значения которых сейчас забыты настолько, что их вытеснили слова русского языка. Интересно отметить, что и старшее, и младшее поколения перешли на русские наименования болезней. Прежние местные названия с трудом вспоминает старшее поколение, затевая споры об их значении. Напр., *nistaniha*, по мнению разных информантов, может быть и 'воспаление мочевого пузыря, цистит', и геморрой, определяемый как 'насланная колдунами болезнь'. Лучше других помнится название *r'adnoj orma* 'грипп'. Болезнь *r'abojhorma* определяется как 'оспа, корь, ветрянка'; *rangorma* — это 'истерика и даже падучая'; *korga orma* интерпретируется как 'коклюш, скарлатина, ангина, дифтерит' и т. п. Молодой носитель языка признался, что никогда даже не слышал названия болезни *korga orma*, а слово *korga* 'горло' знает в значении 'шея' (другие названия болезней иногда слышал, но что они означают, не знает и не хочет знать). Полузабыты даже старшим поколением названия болезней, к счастью, редких в настоящее время: *maštyks* 'лихорадка, малярия'; *tufn'orma* и *es'orma* 'падучая, эпилепсия', *mad'orma* 'тиф' (в толковании некоторых — 'оспа') и т. д.

Группа 4. Наконец, имеются слова, совсем исчезнувшие из речи шокшинцев. К ним относится, напр., существительное *s'ije* 'налим', которому в шокшинском диалекте соответствует слово *tutka*. Неизвестно и слово *кедийхть* 'яровые', вместо которого употребляется заимствование из русского *jarovojht* 'яровые'. Однако слово *панч* со значением 'цветок' сохранилось не только в сложном слове *чипанч* 'подсолнух', как в ряде других диалектов эрзянского языка, но и в своем первичном значении.

5. Как видно по приведенным примерам, во всех группах нередко меняется фонетика слова: напр., в глаголе *лядомс* (эрз.) 'остаться'

вместо приведенного у Т. П. Миронова слова теньгушевского (имеется в виду шокшинского) диалекта *лядумс* дается *лядумс*. Среди терминов родства в Шокше зафиксировано местное обозначение дедушки и бабушки по матерпнской линии, уже упомпнавшееся ранее: *iššet'ej* / *iššt'et'ej* < *iščo* / *iššo* + *t'et'ej* (букв. 'еще отец, папа'); *iššavaj* < *iščo* + *avaj* (букв. 'еще + мать, мама'). Слово *es'orma* часто звучит как *eš'orma* 'эпилепсия' и т. д.

Изменения в фонетике и лексике шокшинского диалекта увеличиваются под влиянием русского языка, с одной стороны, и под влиянием эрзянского литературного языка, с другой стороны. Это двойное давление на диалект типпчно для всех фпнно-угорских языков в России (ср., наипр., аналогичную ситуацию в ивоторъяльском диалекте марийского языка [Кузнецова 2001: 199]). В этой связи интересна реакция населения на возникшую ситуацию. Представители старшего и среднего поколения, имеющие иачальное или среднее школьное образование, часто говорят: «У нас письменности иет, каждый как хочет может выражаться». Или: «Мы люди свободные, как хотнм, так и говорим. Кто как слышит, так и говорит. У кого какой слух». Имеется в виду отсутствие не только орфографических, но и орфоэпических иорм в бесписьменном языке Шокши. Один из информантов задал риторический вопрос: «А зачем надо учить эрзянский язык в школе? Мы ведь не пишем на нем! Искусственно насаждают язык (т. е. эрзянский). Мы ведь на нем не говорим!». Отсюда проистекает, естественно, и огромное разнообразие в произнесении, грамматике и в значениях подавляющего большинства слов в разговорной речи жителей села, а это привлекает к себе в свою очередь особое виимание лингвистов.

Литература

- Ениватов И.* Шокша: теньгушевская, вепская, костромская... // Примокпна-
нье, 30.01.2004.
- Кузнецова А. И.* Старый Торъял на распутье: к чему ведет смешение в одном
селе разных марийских диалектов, литературного марийского и русского
языков? // *Volgan alueen kielikontaktit* (Языковые контакты Поволжья). —
Turku, 2001, с. 38—39.
- Миронов Т. П.* Теньгушевский (шокшинский) диалект как результат скреп-
нения. Саранск, 1936.
- Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch zusammengestellt von K. Heikkilä. SUS,
Helsinki, 1990—1996, Bd. I—IV.